


[Новости](#)
[Аналитика](#)
[Репортажи](#)
[Информация](#)
[Ицхак Стрешинский](#)
[Эльдад и Жаботинский](#)


К годовщине смерти Зеэва Жаботинского (29 тамуза)

В сентябре 1938 года в Варшаве прошел третий съезд Бейтара, молодежного движения сионистов-ревизионистов. Молодые руководители польского отделения организации впервые вступили в полемику с Зеэвом Жаботинским, своим лидером, весьма почитаемым ими, требуя более активных действий в Эрец-Исраэль. Менахем Бегин, тогда один из



руководителей Бейтара в Польше, сказал, среди прочего, в своем выступлении, что "совесть в мире перестала реагировать", "Лига наций потеряла свою ценность" и "мы хотим бороться, погибнуть или победить".

Отвечая на его выступление, Жаботинский сказал, что его слова напоминают ему скрип двери, который не приносит пользы. Приводя историю сиротского дома, который был создан для детей, осиротевших после пожара, он сказал, что лучшие люди среди народов будут всем сердцем поддерживать идею еврейского государства, которое станет для еврейского народа чем-то вроде дома для осиротевших детей из этого рассказа. В конце своей речи Жаботинский сказал Бегину, что если он не верит в совесть мира, у него нет иного выбора, кроме как утопиться в глубине Вислы.

На трибуну поднялся двадцативосьмилетний д-р Исраэль Эльдад, которого тогда еще звали Исраэль Шайб; он был учителем и занимался в Бейтаре преподавательской деятельностью. Используя тот же пример, Эльдад ответил Жаботинскому: «Есть польза, которую приносит скрип двери: он будит человека, в дом которого проникли злоумышленники...». Пораженчество и оппортунизм он назвал злоумышленниками, которые проникли в национальное движение. В книге воспоминаний "Первое десятилетие" Эльдад писал, что больше всего Жаботинского разозлили его слова о пропасти между ментальностью девятнадцатого и двадцатого веков, и глава Бейтара покинул зал во время его выступления.

Упомянутый выше съезд, проходил на фоне самостоятельной деятельности, которую развил в Польше Авраам Штерн (Яир), тогда один из командиров ЭЦЕЛЯ. Биограф Жаботинского профессор Йосеф Недава так писал об отношении между Яиром и Жаботинским: «Яир выступал за самостоятельность ЭЦЕЛЯ и его полную независимость от любой политической партии... Яир также был против продолжавшейся "верности" Жаботинского Англии, и отрицал политику "последних попыток" в отношениях с обманывавшим союзником. В своей основе этот спор был по вопросу тактики, так как, в конце концов, Жаботинский, конечно же, убедился бы в необходимости вооруженного восстания против мандатных властей, после которого в любом случае был бы полный разрыв с Британией. (И действительно, в 1939 году, накануне Второй мировой войны, Жаботинский планировал высадку в Эрец-Исраэль и операцию в духе Гарибальди)».

Кроме упомянутых профессором Недавой тактических разногласий Штерна и Жаботинского, можно отметить и различия в их идеологических платформах. В "Принципах Возрождения", которые составил Яир после ухода из ЭЦЕЛЯ и создания боевой организации, получившей впоследствии название ЛЕХИ, есть понятия, не упоминавшиеся в учении Жаботинского, как, например: Эрец-Исраэль в упомянутых в Торе границах (от Нила до Евфрата), решение проблемы нееврейского населения путем обмена населением, строительство Третьего Храма – как символ эпохи полного Избавления.

После убийства Авраама Штерна в 1942 году английскими полицейскими, Исраэль Эльдад стал одним из трех членов Центра ЛЕХИ и идеологом организации. В 1949 году он стал редактором ежемесячного журнала "Сулам", на страницах которого следовал идеологии Авраама Штерна, в частности призывал к созданию Царства Израиля от Нила до Евфрата.

Ниже приводится подбор отрывков из статей Эльдада, напечатанных в "Суламе", в которых рассматриваются различные аспекты личности Зеэва Жаботинского.

[Статьи](#)
[Фотографии](#)
[Ссылки](#)
[Наши авторы](#)
[Музы не молчат](#)
[Библиотека](#)
[Архив](#)
[Наши линки](#)
[Для печати](#)
[Поиск по сайту:](#)

[Подписка:](#)

[Наш e-mail](#)

В статье "Жаботинский, против которого мы бунтовали", опубликованной в 1950 году, Эльдад попытался объяснить сам факт "бунта" молодежи против Жаботинского и вновь поднял вопрос о разнице между ментальностью двух столетий, о которой он упоминал в своем выступлении в 1938 году.

Эльдад писал: «Помимо реакции на предложение Герцля об Уганде, я не знаю второго примера **"бунта" из любви**, каким был наш "бунт" против Жаботинского... Еще до организационного раскола мы пришли к выводам о разногласиях между нами. Мы обнаружили глубокие корни этих разногласий, назвав их разницей между девятнадцатым и двадцатым веками...»

Далее Эльдад подвергает критике верность Жаботинского Англии, сравнивая ее с поведением библейского героя Шимшона (Самсона), одного из центральных персонажей романа "Самсон Назорей", опубликованного Жаботинским в 1927 году на русском языке.

«Первый раз соблазниться красотой филистимлянки – это очень естественно. Кто из нас не соблазняется? Кто из нас не был полон любовью к Британии?.. Но после того как в 1922 году в первый раз послышалось предупреждение об опасности, когда Черчилль (в то время министр колоний – И.С.), вариант Бевина (министр иностранных дел в 1945-51 гг., известный своей антиеврейской политикой – И.С.) в стиле девятнадцатого века, выпустил первую Белую книгу и от территории, выделенной для создания еврейского национального дома, оторвал три четверти к востоку от Иордана, – должен был Шимшон, если он был судьей народа, окончательно отторгнуть себя от лагеря Британии.

Но Шимшон так не поступает. Жаботинский влюблен. Он влюблен в английскую демократию, в том виде, в каком она существует у англичан в их стране, в дух свободы, в уважение к человеку, в общественный строй...

А когда он проснулся, было уже очень поздно, хотя еще успел он увидеть своих подопечных в начале их действий и еще успел написать: **"Мои сыновья стреляют лучше, чем я"**.

И его сыновья стреляли лучше, чем он, только после того как им удалось освободиться от пут любви, красивой и обманчивой, желанной и обманчивой – именно потому, что она желанна...».

Далее Эльдад пишет о важной роли Жаботинского в процессе создания подпольных организаций, боровшихся за освобождение Эрец-Исраэль от британской власти, подчеркивая при этом доминирующую роль Авраама Штерна (Яира).

«Мы любили его и бунтовали против него... **Рифмы гимна Бейтара более совершенны**, чем рифмы гимна подполья, написанного Яиром. Но и в подполье и в бою вел нас гимн Яира...

Он (Жаботинский) заложил основы национального освободительного движения, он был тезой еврейской революции, а мы, его ученики-сыновья вынуждены были стать его антитезой, полностью осознавая, что теза более красива и совершенна, нежели более реалистичная антитеза, ...

Нет, мы не могли быть воплощениями его учения. По его словам, мы стреляли лучше его, потому что многие вещи видели лучше, чем он. Но это он научил нас быть обвинителями, храбрецами, бойцами, в одиночку выступать против целого мира – также и против него».

В другой статье о Жаботинском, опубликованной в "Суламе" в 1957 году, Эльдад вновь упомянул разницу между XIX и XX веками, но здесь заметны некоторые перемены по отношению к взглядам Жаботинского. Как можно увидеть из следующего отрывка, он предстает перед нами не как тот, кто принадлежал девятнадцатому веку, которому были свойственны романтика и оптимизм, а как тот, кто пытался соединить их с реализмом и разочарованиями двадцатого века. В конце отрывка Эльдад приводит слова из знаменитого гимна Бейтара, написанного Жаботинским на иврите в 1932 году.

«В пылу критики автор этих строк бросил главе Бейтара, что между ним и нами, рвущейся вперед молодежью, пролегалта такая же пропасть, как между XIX и XX веками.

Сегодня, в перспективе времени, я вижу своей обязанностью исправить это утверждение. Даже если корни его характера были полностью в девятнадцатом веке, двадцатый век не был для него чужим. Он его не любил и не хотел, но в своем реализме он не был в нем Дон-Кихотом. Он пытался соединить особенности двух столетий, создать из них одну рифму: "Гадар" (ивритское слово, которое можно привести как "величие", "великолепие" – И.С.), "Тагар" ("вызов"), в итоге завершающиеся словом Бейтар».

На страницах "Сулама" поднималась также тема тех, кто называл себя последователями Жаботинского. В автобиографической книге "Первое десятилетие" Исраэль Эльдад подверг резкой критике своего старого друга Менахема Бегина. После того, как по приказу Бен-Гуриона был обстрелян, взорван и затоплен корабль "Альгелена", на котором сторонники возглавляемой Бегиним организации ЭЦЕЛЬ везли оружие для недавно созданного государства, он публично расплакался в эфире, выступив по радиостанции своей организации с призывом не открывать огня.

Эльдад писал: «Тот, кто подобно Менахему Бегину был убежден, что оружие на корабле – спасительное оружие, обязан был доставить его на берег любым

способом. И было только два пути: или капитуляция и сдача оружия сразу, принимая все условия, или прорыв силой. Все время, когда можно было еще надеяться, что вопрос будет решен путем переговоров, можно было торговаться. Но в тот момент, когда был отдан приказ открыть огонь и намерение потопить корабль стало очевидным, самым разумным и даже святым долгом было ответить огнем и доставить оружие силой. Можно пойти еще дальше и утверждать, что даже если изначально и не было намерения поднять бунт, оно становилось обоснованным после приказа об убийстве. После такого приказа рушатся моральные и гражданские основы, на которых держится власть...

Если бы знали те, кто командовал артиллерией, что Бегин так себя поведет, они не отважились бы отдать приказ открыть огонь. Они не отважились бы, ибо им было известно, что они могут потонуть вместе со своей властью на корабле, называемом "Государство Израиль", если вспыхнет гражданская война. Они не отважились бы сделать это, если бы знали, что на этот раз и их кровь – и много крови – может пролиться в соответствии с огромным количеством оружия на корабле и большой готовностью в тылу. Они обстреляли корабль, потому что им не раз обещали с его борта: "Мы не ответим огнем"...

Массы были с пушкой победителей. Или из-за страха, или из-за почитания силы и решительности, или из... жалости к проигравшему. Потому что жалость действует, в конце концов, в обратном направлении, чем кажется тому, кто эту жалость пробуждает.

Итак, мы подошли к дополнительному преступлению того дня. Преступлению плача.

Из окон всех домов и кафе слышался голос, тот голос, который только несколько недель назад в день провозглашения независимости демонстрировал силу и размах. Сейчас он был сломлен. И широкая общественность – более, чем она интересовалась доводами и доказательствами, – была потрясена тем фактом, что командир Национальной военной организации публично плакал...

И я все еще не знаю, когда была самая большая победа Бен-Гуриона: в тот момент, когда его пушки исторгали огонь, или в тот момент, когда из глаз проигравшего текли слезы. Убийцы умыли руки этими слезами и сказали: "Действительно, было неприятно, но это стоило того". Потому что они вообще не сентиментальны. Они очень жестокие, они прекрасные тактики и они умеют использовать стадное чувство народа...

Ужасный плач ничего не порождает. Смех намного более эффективен, чем плач. И сильному смеху, приводившему врагов в дрожь, этому смеху Менахем Бегин не научился у героя произведения Жаботинского, а вывеска "Мой учитель" оказалась ни к чему. Я не случайно присоединил сюда имя Жаботинского. Я почувствовал это во время той передачи и сказал, повторяя вновь и вновь: "Жаботинский не отреагировал бы плачем". Ни в коем случае. Он действительно был сделан из стали. И ни в коем случае Менахем не может утверждать: "Глава Бейтара стоял за мной и дал мне приказ: Плачь!". Прислушайся он к нему всей своей душой, он мог бы услышать если не голос, осуждающий этот "патриотизм", то хотя бы сильный и глубокий приказ: "Помолчи и потерпи, пока не придет время"».

В публикуемых в "Суламе" статьях Эльдад и другие авторы часто критиковали движение Херут, основанное Бегинем после создания государства и роспуска ЭЦЕЛЯ, утверждая, что ему не хватает идеологии, и что оно занимается второстепенными вопросами в парламенте, вместо того чтобы выполнять свою революционную роль. В статье, написанной в 1959 году перед выборами в Кнесет четвертого созыва, Эльдад выступил против тех, кто любит цитировать вырванные из контекста слова Жаботинского. Речь идет об известном стихотворении Зеэва Жаботинского "Два берега у Иордана – и оба наши", где говорится о том, что Иордан находится в центре принадлежащей евреям страны. Есть в нем также две строки, в которых сказано, что когда вся эта территория будет принадлежать евреям, на ней смогут жить "в изобилии и благополучии" также мусульмане и христиане. Именно две этих строки из всего стихотворения любили цитировать те, кто называл себя наследниками Жаботинского. Обо всем этом Эльдад писал:

«Все те из учеников, а вернее – наследников Жаботинского, которые ездят к арабам-бединам в Негеве и арабам-горожанам в Нацрате, чтобы собирать их голоса (к выборам –И.С.), приводят эту цитату как доказательство глубокого демократического учения своего учителя и, разумеется, своего стремления воплотить это учение в государстве Израиль...

Использование двух строчек из стихотворения Жаботинского для мобилизации голосов перед выборами не запрещено само по себе, но это, подобно всем вырываемым из контекста цитатам, недостойное дело, так как искажает то, что Жаботинский имел в виду...

Жаботинский был реалистом и любил исторические прецеденты. Ими он не раз пользовался для аргументации своего требования эвакуации евреев из галута, которое также казалось псевдодемократам и псевдогуманистам нарушением принципа прав человека.

Жаботинский доказал бы своей железной логикой, что нет ничего общего между арабским меньшинством в государстве Израиль и национальными меньшинствами в других странах. Исторический опыт доказывает, что нет решения, заключаемого в личном и национальном равноправии для меньшинства, когда за пределами

границ государства, в котором оно проживает, есть национальные государства этого меньшинства. Территориальные стремления и стремления к национальному объединению превращают проблему национального меньшинства в очаг войны и тут даже наиболее полные права не помогут...

Те слова об изобилии и счастье, о справедливости и честности между арабами, христианами и евреями являются интегральной частью песни "Два берега Иордана"... И это маленькое слово "там" в начале цитируемых строк также абсолютно ясно, как и то, что "здесь" государства Израиль очень далеко от того "там"... Для государства Израиль Иордан даже не граница, и тем более он не в центре, как написано в том стихотворении...»

Из вышеприведенных фрагментов статей и воспоминаний Исраэля Эльдада можно увидеть, что он относился к Зеэву Жаботинскому с огромным почтением и считал его идеологию и деятельность важными предпосылками процесса создания подполья, которое изгнало англичан, и благодаря которому в 1948 году было создано государство Израиль и освобождены части Эрец-Исраэль. Вместе с тем Эльдад не скрывал разногласий, которые были у него с Жаботинским и считал, что "бунт" против него был необходим для завершения процесса создания боевого подполья. Кроме того, можно понять, что Эльдад находил немалую разницу между Жаботинским и движением Херут Менахема Бегина.

В заключение приведу слова Эльдада о Жаботинском, написанные в 1960 году. «Он был великим, этот гений еврейского народа между двумя мировыми войнами. Его трагедией и, что еще страшнее, трагедией всего еврейского народа было то, что не он был официальным руководителем народа, и большинство своих сил был вынужден тратить на внутреннюю борьбу. Он победил в ней после своей смерти и, что всего ужаснее, после уничтожения трети нации и ее наилучшей части...»

- проф. Исраэль Эльдад **Искусство видения в Элладе и слышания в Израиле**
- **Зеэв Жаботинский и еврейская традиция**
- **Статьи и повести Жаботинского**

К списку статей

